

Геннадий ПОЛОКА:

ЖАЛЕЮ

ОБ УКРАДЕННОМ ВРЕМЕНИ

Пожалуй, одной из самых загадочных и удивительных фигур в нашем кинематографе остается Геннадий ПОЛОКА. Это он сделал фильмы «Республика ШКИД», «Интервенция», «Один из нас», «Возвращение Броненосца». Собирая информацию о нем, мы обнаружили, что сведения об этом режиссере в киноэнциклопедии, в прессе и Интернете довольно обрывочны и противоречивы.

- Мой прадед - выходец из Австро-Венгрии, - так начал свое интервью Геннадий Иванович. - Перед Первой мировой войной, как и многие славяне, особенно православные, бежал в Россию. Семья была состоятельной и, очевидно, родовитая, потому что два брата моего деда служили в лейб-гвардии. Один - в Семеновском полку, другой - в Измайловском. Первый затем участвовал в Гражданской войне на стороне красных. Он очень переживал, что семеновцы пролили много крови во время восстания 1905 года, и как бы отмывался... А другой, из Измайловского полка, воевал на стороне белых. Мать моя была учительницей. Отец - инженером-лесоводом, одним из авторов лесного атласа СССР. И я мальчишкой объехал с ним почти всю страну.

Во время войны мне пришлось работать, чтобы кормить семью. С 12 лет трудился на лесоповале в Сибири. Ночевал зимой на снегу: обрубали ветки и на них спали, ветками же укрывались. Когда я сегодня слушаю душераздирающие рассказы людей, пострадавших от уже не существующей советской власти, как они в свое время мучились на лесоповале, то с удовольствием вспоминаю свое детство, как самый счастливый период жизни.

Потом я возил в город на грузовых подводах овощи и картошку. Позже сопровождал товарные вагоны, которые шли на фронт. Везли спрессованное сено, боеприпасы. Вагон шел из Сибири до фронтовой полосы в Польшу месяц. На каждой узловой станции расформировывался старый состав и формировался новый. Приходилось бежать к диспетчеру и кланяться, чтобы быстрее прицепили мой вагон. На весь месяц мне выдавали на станции отправления ящик с хлебом и водку. Я сам не пил, а подносил диспетчерам и сцепщикам за услуги.

- Так что «Республика ШКИД» в какой-то степени ваша автобиография?

- В значительной степени! У меня много шрамов на теле. Как у многих подростков того времени, в голенище моего сапога лежал нож. Было у нас и другое оружие: металлическая палка, на которую навинчивалась тяжелая болванка. Вот такое криминальное детство.

- Ваша последняя картина «Возвращение Броненосца» в России почти не имела проката. Вместе с тем она отмечена многими престижными премиями...

- Ретроспектива моих фильмов прошла в США, Канаде, Индии, Австрии. Наибольший успех «Возвращение Броненосца» имело на премьере в Чикаго. Казалось бы, Америка с предубеждением относится к иностранным фильмам, тем не менее «Возвращение Броненосца» вызвало интерес. Премьеры фильма прошли в зале заседаний ЮНЕСКО, в Берлине, Будапеште, Калькутте и наиболее скромно - в Москве. С другой стороны, мне грех жаловаться - я завален письмами зрителей. Несмотря на обвал в кинопрокате, шлейф моих картин существует в зрительской памяти до сих пор. Получаю письма такого содержания: «Только что сводил своего внука на «Республику ШКИД». Он с восторгом смотрел, а я вспоминал себя, 15-летнего, когда в январе 1967-го ходил на премьеру в «Художественный»...

В те годы, когда я был диссидентом, а мои картины лежали на полке, работники Госфильмофонда помогли украсть для меня копию «Интервенции». С ней я объездил всю страну. Показывал фильм в «почтовых ящиках» для технической интеллигенции. Интеллигенция скидывалась и платила деньги неофициально, как Высоцкому. «Органы» сунуться туда не могли, потому что «почтовые ящики» имели свою охрану.

- Не так давно слышал от одного критика: «Полока - это бунтарь».

- Возможно, но я никогда не стремился выступать с громкими заявлениями и манифестами. Старался бунтовать в своих фильмах.

Правда, перед тем как снимать «Интервенцию», впервые нарушил этот принцип и сделал заявление в

газете о том, что хочу снять ленту, далекую от традиционной формы, исповедующую скоморошескую, почти базарную зрелищность. Дескать, собираюсь ярко и броско говорить о вещах трагических, серьезных. Пригласил ведущих актеров принять участие в этом эксперименте. Пришли звезды: Высоцкий, Копелян, Толубеев, Нифонтова, Золотухин.

Конечно, это раздражало моих художественных оппонентов и особенно начальство: «Фильм на историко-революционную тему, а он такое себе позволяет!» Эта тема тогда была канонизирована, существовали шаблоны, по которым нужно было снимать подобные фильмы.

- Как же вам удалось их обойти?

- Какое-то время водил начальников за нос. Они уж очень хотели, чтобы «Интервенция» (фильм на важнейшую политическую тему, да к тому же посвященный 50-летию Советской власти!) имел такой же всенародный успех, как «Республика ШКИД». Хотя, к слову, «отцы родные» и ее принимали с трудом. Генерал Лукьянов, отвечавший тогда за перевоспитание несовершеннолетних правонарушителей, категорически выступил против выхода фильма на экраны, называя его «энциклопедией для школьных хулиганов». Ну а зритель повалил в кинотеатры на эту «энциклопедию», причем зритель всех возрастов. И мне вручили приз «За лучший фильм всех времен и народов для детей и юношества» на фестивале в Москве в честь 50-летия Советской власти.

Увы, с «Интервенцией» подобный номер не прошел, протащить ее разными правдами и неправдами не удалось. Все попытки закончились многолетней полкой.

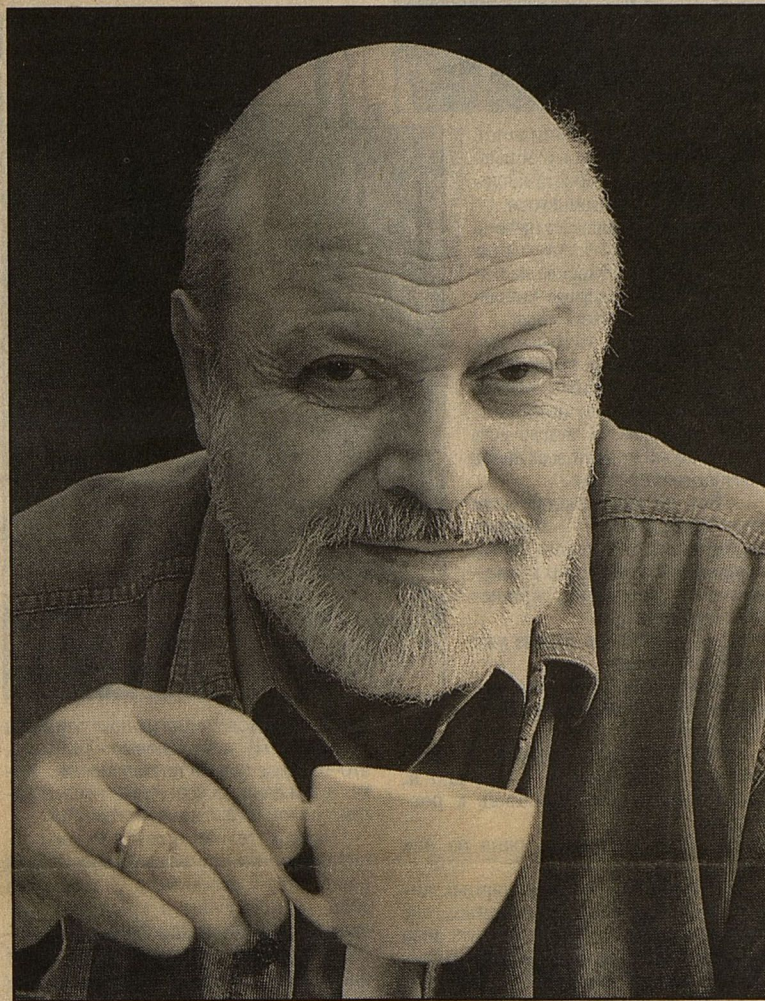
- Слышал, вас даже в тюрьму сажали...

- Я снимал свой первый большой фильм по сценарию Юрия Трифонова. Уже тогда, в конце 50-х, Юрий Валентинович был популярным писателем, однако тот его сценарий оказался не из лучших - типично производственный сюжет. Тем не менее я вынужден был согласиться на эту постановку, поскольку другого шанса попасть в большой кинематограф просто не было.

Это должен был быть фильм о строительстве туркменского канала (второй такой же канал в калифорнийской пустыне раз в десять меньше). Когда я приехал на строительство, то очень скоро убедился, что сценарий имеет весьма смутное отношение к реальности. Строили канал заключенные, в основном уголовники. Были просто любители длинного рубля - на канале платили сумасшедшие деньги. И были святые, которые когда-то строили Комсомольск, Магнитку, - энтузиасты. Публика самая разношерстная - этакий Клондайк из книжек Джека Лондона.

Я махнул рукой на сценарий и стал снимать Клондайк. Однако высокие туркменские чиновники, рассчитывавшие отхватить Ленинскую премию за канал, решили просматривать отснятый материал. Увидев на экране жутковатое зрелище, они сказали, что если я буду так снимать и дальше, то пожалею об этом. Но было время хрущевской оттепели, я был молод и отнесся к угрозе несерьезно. А зря.

Сначала меня сняли с работы, потом остановили картину. Я подал жалобу министру культуры. Министерство затребовало отснятый материал. На худсовет в министерстве ведущие режиссеры страны почти единодушно признали грандиозность мое-

Игорь КОЗЛОВ

го замысла и даже провозгласили меня вторым Эйзенштейном.

Тогда боссы Туркмении сфабриковали против меня дело. Допросы длились восемь месяцев.

- Что инкриминировалось?

- Тогда любое политическое дело старались повернуть в уголовное русло. Фильм же денег стоит! И высокие персоны из Туркмении свои личные расходы постарались списать на картину.

За меня вступился Союз кинематографистов. Секретарем тогда был Иван Пырьев. Он обратился к генеральному прокурору и убедил Фурцеву сделать то же самое. В результате генпрокурор приостановил дело в порядке надзора, а позже я был реабилитирован. Наверное, это единственный случай в истории нашей кинематографии, когда вся творческая организация дружно заступилась за коллегу. Я был бесконечно тронут солидарностью своих старших товарищей.

Второй раз попал в лапы «органов» в 1981-м в Минске. Один крупный белорусский режиссер упрямился показать «Интервенцию». Я тайно привез картину из Москвы, мы заперлись в зале. Были он, директор студии и его близкий друг. А уже через час после окончания просмотра кто-то «стукнул». Меня предупредили, что за мной придут. Я тут же сказал Павлу Лунгину (сейчас он известный режиссер, а тогда был начинающим сценаристом) и режиссеру Ване Киасавили (автору «Кукол»): «Ребята, вот пленка - отвезите куда-нибудь и спрячьте. Это «Интервенция». Они схватили картину, прыгнули в машину и умчались.

Допрашивал меня полковник, усталый человек с мрачным юмором. После долгого и непростого разговора мне кое-как удалось отвертеться. Кроме того, я и на этот раз столкнулся с человеческим благородством: Паша Лунгин и Ваня

Киасавили не испугались и помогли спасти копию «Интервенции».

- Высоцкого вы сразу захотели снять в «Интервенции»?

- В общем, сразу, но надо было разработать стратегию, как его утвердить - у него были сильные оппоненты. Михаил Козаков, например, прекрасно сыграл на пробах. Мы ведь обязаны были снимать пробы (на каждую роль по несколько кандидатов), по которым руководство утверждало исполнителей. По поводу Высоцкого они сначала были настроены неприязненно. Но я упирал на то, что картина юбилейная, к 50-летию Советской власти, нужна в строго назначенный срок. Юбилей-то не перенесешь!

Но основную роль в утверждении Высоцкого сыграли патриархи кино:

Григорий Козинцев и Александр Иванов. Помогали и мои молодые коллеги из «московской команды», возникшей тогда на «Ленфильме»: Панфилов, Кулиш, Мотыль. В эту группировку входил и я. Таким образом, вокруг «Интервенции» образовалась среда, которая сумела противостоять не только давлению сверху, но и давлению коллег, ангажированных властью. Наивно полагать, будто сверху звонили и приказывали: «Этого снимать, а этого - нет». Власть формировала группы «творцов», которые набрасывались на нас как цепные псы. Они вопили о высоком искусстве, национальных художественных традициях, ратовали за безупречный художественный вкус. Они старались не говорить о политике и тем не менее с азартом выполняли политический заказ.

С Высоцким мы были единомышленниками и очень трепетно относились друг к другу. Сегодня некоторые его «друзья» вспоминают какие-то его негативные проявления, но я сталкивался только с благородством, щедростью, мужеством.

Однажды на его друга, Всеволода Абдулова, который был под изрядным шифом, набросились четыре здоровенные детины. Известно, что Высоцкий был небольшого роста, но невероятно сильный и ловкий, как обезьяна. Не раздумывая, он бросился на помощь Севе, и я увидел, как эти мужики разлетелись - он их раскидал! Высоцкий был в два раза меньше каждого из них. Уникальный артист, неповторимый, истинно народный поэт, он был чрезвычайно одарен физически. Балетные танцовщики говорили, что, если ему год подучиться, он бы стал балетной звездой. Знаменитые спортсмены уверяли, будто в нем заложен талант олимпийского чемпиона...

- Геннадий Иванович, как вы думаете, что такое творчество?

- Для меня это прежде всего искусство проживания чужих жизней. К примеру, я работаю над образом человека, совершенно не похожего на меня, значит, я проживаю его жизнь, и психологические затраты соответствующие: я болею, страдаю, мучаюсь вместе с ним. Это своего рода безумие. Не мною сказано, что художник - это психическое отклонение от нормы. С первых шагов художник тренирует свою фантазию. Вот взрослые говорят ребенку: не ври! А вранье в детском возрасте - абсолютно естественный процесс. Когда я приглашаю мальчишек и девчонок для съемок, смотрю, кто интереснее врет. Вранье - это признак одаренности, способность сочинять на основе какого-то реального факта.

И еще о творчестве. У меня дома полные шкафы нереализованных сценариев. Не понимаю людей, которые ищут тему, сценарий. Мне жизни не хватит, чтобы реализовать хотя бы половину задуманного. Очень жалею об украденном у меня времени, но надеюсь еще поработать.

Беседу вел
Александр НЕЧАЕВ